

СРЕДИ первых произведений советской литературы о донской земле не затерялся и роман «Курганы» молодого, еще неизвестного читателю двадцатипятилетнего автора Анатолия Калинина. Высоким, по-цыгански смуглым, с открытым сильным лицом предстал он перед Александром Серафимовичем, прочитавшим роман в рукописи.

— Ну здравствуй, молодой Шолохов! — крепко и сердечно пожал он руку земляку.

Роман о событиях в донской деревне в тридцатые годы был вскоре опубликован, и в нем уже угадывалось незаурядное творческое дарование молодого писателя, прошедшего к этому времени большую жизненную школу.

Донской край стал и колыбелью, и школой зрелости, мужания Анатолия Калинина. Детство в хуторах и станицах Среднего Дона, где учительствовали его отец и мать, потом военная юность — большую часть войны Анатолий Калинин прошел с Пятым Донским кавалерийским казачьим корпусом в качестве корреспондента «Комсомольской правды».

Сотни статей, очерков, корреспонденций написаны им по горячим следам войны, и тогда же был создан роман о боевых товарищах — «На Юге», высоко оцененный критикой.

После войны молодой писатель вернулся домой. Все в жизни было связано с этой землей, все здесь дорого, страдано, выверено сердцем и в трудные годы, и в счастливые дни. Поэтому и решил он поселиться на Дону, в древнем казачьем хуторе.

— Без пухляковского берега мне трудно было бы работать. Но к нему причалило и многое из того, что знал и прежде, чему учился до войны и на войне, — так объяснил он свое возвращение.

Сегодня имя лауреата Государственной премии РСФСР Анатолия Калинина широко известно читателю по романам «Суговое поле», «Цыган», «Премите, колокола!», повестям «Эхо войны», «Возврата нет». Большинство из них инсценированы, спектакли идут в различных театрах страны. Успехом пользовались фильмы «Цыган» и «Возврата нет». В издательстве «Советская Россия» выходит четырехтомное собрание сочинений писателя.

Анатолий Калинин продолжает жить и работать в хуторе Пухляковском Ростовской области.

Идем по песчаной косе вдоль хутора, у ног плещется, приплясывая, донская волна. Калинин в пиджаке нараспашку шагает медленно и легко, вслушиваясь в звуки.

Говорим о хуторской жизни, об особенностях хуторян, о разнообразии их характеров и судеб. Анатолий Вениаминович останавливается и как бы в раздумье говорит:

— Мы часто забываем простые человеческие страсти, на которых стоит жизнь. Начинаем выдумывать, в чем-то

изопрятаться. А ведь все идет от простого. И все это — вот, рядом, — он указал на хутор, — под рукой... Каждый бутор здесь полнит кровью наших солдат. Жестокие шли бои и в гражданскую, и в последнюю Отечественную. Сколько человеческого горя, страданий пережили мои земляки... И они же выстрадали красоту и добро, величие русского характера, утвердили это в жизни.

Постепенно сроднилась судьба писателя с судьбами хуторян, вместе с ними пережито, передумано, перечувствовано столько, что это поз-

бовательность читателей: ведь Будулай и Клавдия стали дороги и близки многим, в их трудных жизненных судьбах хочется увидеть не только утраты, страдания, но и светлые, радостные минуты, счастливый конец.

Образ Будулая стал настолько дорогим для его исполнителя, артиста Михая Волонтира, что в своем письме к Анатолию Калинину он вспоминает об ожоге на плече во время съемок в кузнице, как о самой дорогой для него памяти.

Как бы продолжением читательских писем стала утром

Небольшой домик с мезонином на берегу Дона не золотая клетка, где сочиняются увлекательные книги, а дом человека, где каждодневно сходятся нужды, и боли, и радости людские. И помимо будничной работы, там, наверху, в небольшом мезонине, кабинете писателя, весь этот пестрый жизненный поток преломляется через «магический кристалл», а точнее, через сердце, и рождаются новые страницы о хуторе Вербном, полные жизни, света, добра и любви.

Губят ли виноградники, землю, засоряют ли Дон, бездуш-

— Вся эпоха прошла через его сердце. Удивительная судьба! Удивительный художник!

От удивления к раздумьям, от счастливого откровения к глубокому обобщению, от нежного донского пейзажа к суровым фактам истории — так, ступенька за ступенькой в течение сорока лет складывалась книга «Время «Тихого Дона» — творческое осмысление жизни и книг Михаила Шолохова.

«Страницы, посвященные Шолохову, для меня не менее, если не более важны, чем страницы моих повестей и романов... Я хочу сказать, что каждый раз обращение к Шолохову позволяло подняться еще на одну ступеньку и увидеть то, чего не видел или лишь чувствовал раньше», — в этих словах дань уважения и любви к большому художнику.

Кто хоть однажды встречался с Анатолием Калининым, знает замечательную особенность его характера — помочь человеку, откликнуться на его просьбу тотчас же, горячо, заинтересованно, отложив в сторону все срочные дела.

К нему тянутся люди: и молодые, и сверстники, находя в общении с ним ту нравственную опору и поддержку, которая так необходима человеку. Хочется привести здесь светлые лирические строки из последнего письма к Калинину недавно скончавшегося замечательного русского поэта Виктора Полторацкого.

«Ты-то, наверное, знаешь, как или чем пахнет чебрец ближе к полдню, когда роса уже высохла и тает в воздухе. Нет ли в его запахе чего-то напоминающего запах дикого меда с горчинкой и запахом дотлевающих углей в костерке? Мне хочется узнать от тебя вот почему: у нас в Мещере, среди лесистых низменностей встречаются песчаные острова, поросшие сосновыми борами. По опушкам этих боров растет цветника белоуса и кустистая травка, внешне очень похожая на чебрец. На концах стеблей ее — маленькие сиренево-розовые цветки. Цветут в конце июня и пахнут диким медком с горчинкой и задымленной смолкой. У нас эту травку зовут богородичной. Прошлым летом я сорвал несколько пучков этой травки и сунул в ящик письменного стола. Сунул, да и забыл. А недавно выдвинул этот ящик и вдруг до удивления явственно услышал запах степи сорок второго года где-то возле Котельников...»

Захотелось написать о том, что на земле нашей растут родственные травы и родственные по духу люди живут на ней...

Такую родственную, душевную близость я всегда чувствовал к тебе».

И в жизни, и в книгах Анатолий Калинин утверждает это духовное родство, душевную близость человека к человеку.

Беседу вел
В. ВОРОНОВ,
наш соб. корр.
хутор ПУХЛЯКОВСКИЙ,
Ростовская область.

Анатолий КАЛИНИН

Рядом со своими героями

воило создать целый художественный мир характеров, образов, сложных жизненных ситуаций, корни которых уходят в тот же пухляковский берег.

Живое, горячее сердце художника, долгие годы раздумий, сомнений, поиска помогли ему найти своих героев, которые полюбились миллионом читателей. И в судьбах их, наравне с пухляковцами, находят почти биографическое сходство со своими судьбами многие люди в самых разных концах страны.

Писатель не любит прямых аналогий жизни своих героев с судьбами хуторян. Даже когда я спросил, где находится тот высокий «яр с его суглинистой красной грудью» из повести «Возврата нет», Анатолий Вениаминович, быстро взглянув мне в глаза, приложил ладонь к сердцу:

— Вот здесь...

Вечером в гостинице просматриваю читательские письма, полученные писателем за последние полтора-два года. Из разных концов страны пишут школьники, студенты, фронтовики, колхозники, рабочие. Пишут о полюбившихся героях, о своем понимании сложных нравственных ситуаций в повестях и романах Калинина. В письмах множество вопросов о дальнейших судьбах героев.

Большинство же писем, особенно после показа по Центральному телевидению четырехсерийного фильма «Цыган» — о Будулае, Клавдии, Ване. Что будет дальше? Встретятся ли они вновь? Будет ли продолжение романа и фильма? Один читатель с Алтая так и написал: «Найти его (Будулая) и доставить в хутор Вербный с милицией».

Можно понять некоторую наивность и чрезмерную тре-

бующего дня встреча с писателем школьников из города Шахты. В их вопросах звучало откровенное любопытство и нетерпение: будет ли продолжение книги?

— Я не считаю «Цыгана» лучшим своим произведением, — говорит писатель. — Но его главный герой, как это иногда бывает, обрел некоторую власть над автором. Подчас трудно бывает это соседство: ревнуешь его к другим, думаешь о нем, он даже мешает работать. Но мне кажется, есть в этом особое чувство счастья от такой власти героя над тобой... А продолжать роман... это, к сожалению, не всегда зависит от воли автора. Да и зачем продолжать? Разве не запомнился, не остался Будулай с вами? Если остался, запомнился таким, какой он есть, — задача автора выполнена...

С 1966 года Анатолий Калинин — депутат Верховного Совета РСФСР. По существу же, он всю жизнь «депутат» среди колхозников, рабочих, учителей, партийных и хозяйственных работников, с которыми делал и малые радости, и большие хозяйственные заботы.

Когда мне показали новые корпуса винсовхоза-техникума «Пухляковский», средней и музыкальной школ, мощный кирпичный завод в соседней станице Раздорской, целую улочку домиков-коттеджей в хуторе, расширенные виноградники на правобережье, новую технику, газифицированные улицы района центра в Усть-Донецком — то, что сделано с помощью депутата Калинина, я спросил:

— Наверное, почти каждый день приходится заниматься хозяйственными делами?

Анатолий Вениаминович живо и удивленно подхватил:

— Без «почты»! А как же иначе? Без этого нельзя.

но относятся к людям, писатель по горячим следам выступает в печати — убеждает, спорит, отстаивает. Многие помнят его страстную публицистику последних лет: «Кормилица», «На стремнине», «Хлеб и песня».

Не раз с затаенной надеждой, с неподдельной тревогой в голосе Анатолий Вениаминович говорил:

— Как нам нужна сегодня современная «Поднятая целина»! Острая, партийная, с любовью и болью написанная книга. Ведь сегодня, как никогда, наболела тема отношения человека к земле.

Особенно актуально звучат эти слова сегодня, когда по всей стране разворачивается работа по осуществлению Продовольственной программы. Уверен, что весомым вкладом в эту работу станут новые книги Анатолия Калинина.

В свободные минуты Анатолий Вениаминович любит читать вслух стихи Василия Федорова, Дмитрия Ковалева, Виктора Полторацкого. Не спеша, приглушенно, внутренне люблюсь каждой строчкой. Иногда прочтет новые стихи и из своего блокнота.

— Анатолий Вениаминович, у вас много написано в «Третьей тетради». Почему ни разу не издали свои стихи отдельной книжкой?

Он улыбается.

— Бьет родничок, пишутся строки — и хорошо, а издавать, может быть, и необязательно...

Вечером Анатолий Вениаминович позвонил в Вешенскую, Шолохову, и, узнав, что Михаил Александрович приболел, омрачился. Но через минуту у него в глазах был тот особенный свет, который появляется всегда, когда Калинин говорит о Шолохове:

9 ИЮН 1982

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА
г. Москва